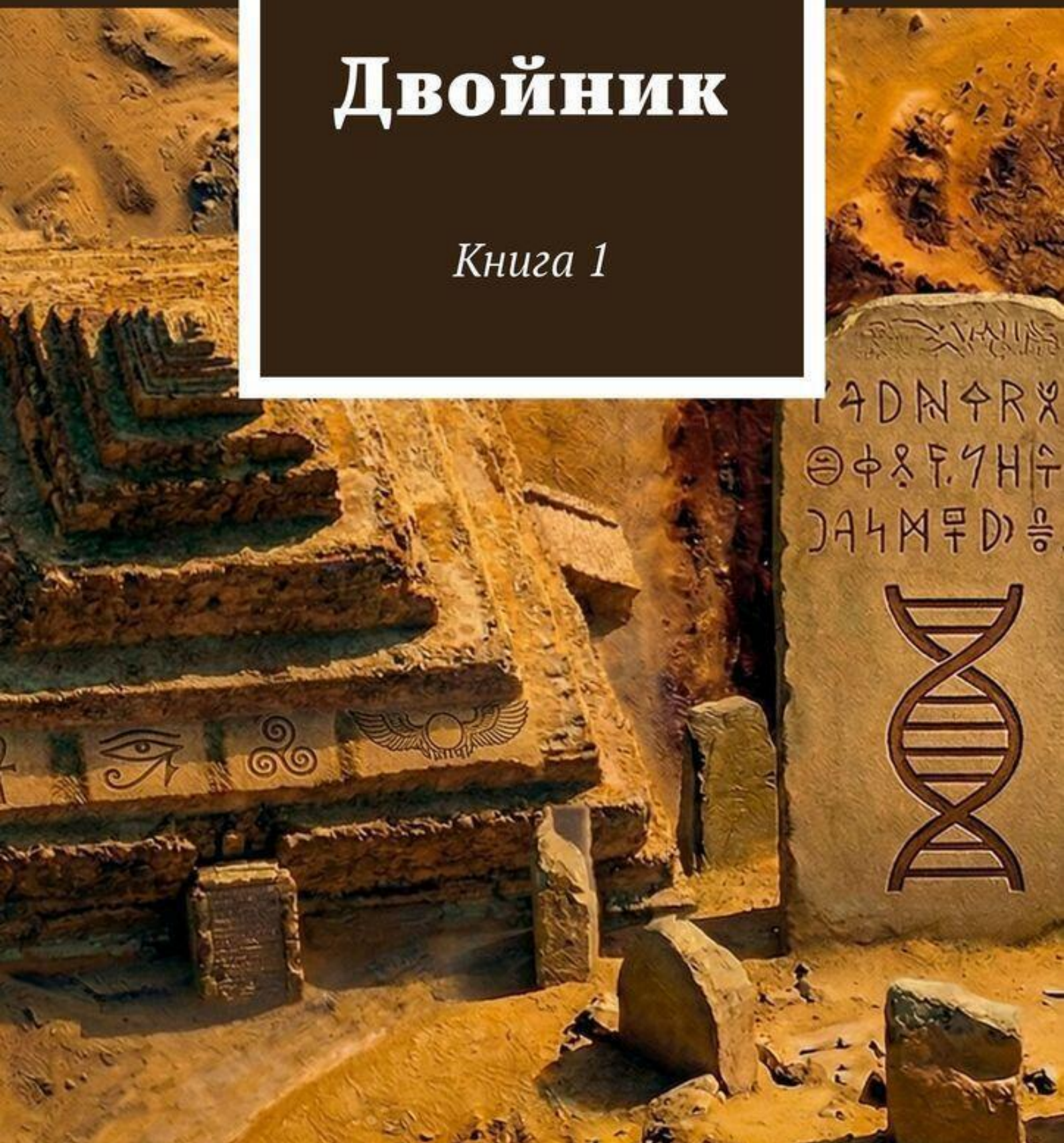

18+

Денис Вашкевич

Двойник

Книга 1

Денис Вашкевич

Двойник. Книга 1

«Издательские решения»

Вашкевич Д.

Двойник. Книга 1 / Д. Вашкевич — «Издательские решения»,

Когда он впервые вышел из тела и увидел себя со стороны — он не поверил. Он начал проверять. Записывал детали. Сверял с физическим миром. Через несколько лет он нашёл дом своей мёртвой бабушки по деталям из сна: перекошенная балка, сломанная печь, запах золы. Дом стоял в четырёхстах метрах от кладбища. Это не роман о вере. Это лабораторный журнал. Читатель сам решает что это значит.

© Вашкевич Д.

© Издательские решения

Содержание

Двойник	6
ГЛАВА 1. Пустота	7
ГЛАВА 3. Наставники	17
ГЛАВА 4. Первобытный мир	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Двойник

Книга 1

Денис Вашкевич

© Денис Вашкевич, 2026

ISBN 978-5-0070-1347-5 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-1348-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Двойник

ГЛАВА 1. Пустота

Утром я просыпался и несколько секунд лежал с закрытыми глазами, прежде чем вспоминал, что живу.

Не в смысле — хотел умереть. Просто не было причины, по которой стоило открывать глаза. День был впереди как пустая комната, в которую меня никто не звал. Я открывал глаза. Смотрел в потолок. Потолок был белым.

Вставал. Умывался. Пил чай, потому что так делают люди по утрам.

Я работал, ел, иногда разговаривал с людьми. Всё это я делал правильно — в нужное время, нужными словами. Но было ощущение, что между мной и всем этим — стекло. Тонкое, прозрачное, не заметное никому, кроме меня. Я касался вещей — стекло. Слушал людей — стекло. Иногда посреди разговора я думал: они не чувствуют его. Они не знают, что я здесь — за стеклом. Кивают моему отражению.

Мне не было плохо. Вот что странно. Плохо — это когда больно, когда есть что-то конкретное, от чего хочется убежать. У меня не было ничего конкретного. У меня было отсутствие. Как комната, из которой вынесли всю мебель, и ты ходишь по ней, и шаги гулкие, и стены голые, и ты думаешь: здесь раньше что-то стояло. Но не помнишь — что.

Я чувствовал, что мир — другой. Не этот. Что под этой поверхностью — ещё один слой, настоящий, и все живут поверх него, не зная. Или зная, но молча. Или их устраивает поверхность.

Меня не устраивала.

Первую церковь мне посоветовал человек с работы. Хороший человек, говорил тихо, никогда не повышал голос. Он сказал: попробуй, там что-то есть. Я пошёл в воскресенье.

Хор пел так, что под потолком дрожал воздух. Женские голоса уходили вверх и там растворялись — я думал: вот, может здесь. Может это и есть тот слой под поверхностью, только завёрнутый в слова. Пастор говорил о Боге, о любви, о том, что всё имеет смысл.

Потом попросил денег.

Нет, не так — он не просил. Он объяснял: Господь умножит. Вложи сейчас — получишь потом. Я смотрел, как люди достают конверты. Пастор складывал их стопкой — аккуратно, левый угол к левому углу, большой палец разглаживал сгиб. В зале было человек восемьдесят, и все они только что сложили туда что-то своё, и он складывал их стопкой и говорил о Царстве.

Царство будет. Потом.

Я вышел. Постоял на улице. Закурил чужую сигарету — кто-то угостил на крыльце.

Подумал: они меняют что-то настоящее сейчас на обещание чего-то потом. И считают это верой.

Я не пошёл туда больше.

Библия у меня была с тремя видами закладок. Жёлтые — вопросы. Синие — противоречия. Красные — места, которые я когда-то думал, что понял.

Красных было меньше всего.

Я читал внимательно. Очень внимательно — так, как читают инструкцию к чему-то важному, боясь пропустить строчку. И находил в ней великие вещи, подлинные, живые — и сразу рядом находил то, что этим великим вещам противоречило. Или слова, которые можно было повернуть в любую сторону. Или главы, которые, судя по всему, писали разные люди в разное время о разном, и потом переплели вместе, и никто не заметил швов — или заметили, но не стали трогать.

Я однажды спросил пастора — другого уже, во второй церкви — о конкретном противоречии. Он ответил долго и красиво. Я слушал и понимал: он не отвечает на вопрос. Он строит вокруг него красивую изгородь из слов, чтобы вопрос выглядел неважным.

Во второй церкви говорили, что Бог хочет, чтобы ты был богат. Приводили цитаты. Цитаты звучали убедительно, если не открывать оригинал.

В третьей исцеляли. Я смотрел внимательно и не видел ни одного исцелённого. Видел людей, которые очень хотели быть исцелёнными — это другое. Это отчаяние, завёрнутое в надежду. Я понимал это отчаяние. Но разделить надежду не мог.

Четвёртую не досидел.

Я лежал на полу своей комнаты и смотрел в потолок. Не на диване — диван казался слишком мягким. Пол был твёрдый и холодный через рубашку, и это было честнее.

Я думал: вот в чём проблема. Они все говорят: верь. Верь в то, чего не видишь. Верь в то, чего не чувствуешь. Верь — и тогда почувствуешь, потом, после смерти, в другом месте, не здесь.

Но я не верю в свет от лампочки.

Я знаю, что она горит.

Я нажимаю выключатель — она загорается. Это не вера, это факт. Я не хожу в церковь лампочки, не пою ей гимны, не кладу деньги в конверт. Она просто горит, и я это знаю, и мне этого достаточно.

Я хотел такого же от всего остального. Нажать — загорится. Попробовать — почувствую. Не потом. Сейчас.

А мне давали конверты и просили верить.

Я лежал на полу и слышал за стеной телевизор. Он говорил что-то про скидки. Потом про погоду. Потом снова про скидки.

Я закрыл глаза.

Темнота за стенами была ровная, без краёв.

Я подумал: может просто так и есть. Может стекло между мной и миром — это не болезнь и не знак. Может просто так устроены некоторые люди. Рождаются за стеклом и живут за стеклом, и умирают за стеклом, и никто не замечает — ни они, ни другие.

Может это нормально.

Но я не мог заставить себя в это поверить.

Не потому что надеялся на что-то другое. А потому что слишком ясно чувствовал: слой под поверхностью — есть. Не как идея. Как ощущение под рёбрами, когда долго смотришь на небо или на огонь. Что-то там есть. Что-то настоящее. Только все инструменты, которые мне давали, чтобы до него добраться — не работали.

Они были красивые. Некоторые очень старые. Но они не работали.

Книгу я купил на развале между домами — там старик раз в неделю раскладывал на картонке всё подряд: советские учебники, детективы в мягких обложках, что-то про огород, что-то про здоровье, однажды — том энциклопедии с буквами «Мо — На».

Я проходил мимо, иногда останавливался. В тот раз взял в руку тонкую книжку в бумажной обложке с отклеивающимся корешком. «Восемь лекций по йоге». Алистер Кроули. Старик сказал: двадцать рублей. Я дал двадцать рублей, потому что было неловко положить обратно.

Несколько дней она лежала на столе среди других книг. Я смотрел на неё без интереса. Кроули — я знал это имя краем сознания, что-то оккультное, тёмное, пугающее людей, которых легко пугать.

Потом однажды ночью, когда телевизор за стеной замолчал и стало совсем тихо, я взял её и начал читать.

Кроули писал не про магию. Он писал про тело. Про дыхание. Про то, как работает сознание, — не как должно работать по мнению церкви или философии, а как оно устроено на самом деле, механически, как машина. Он писал раздражённо, как человек, которому надоело объяснять одно и то же, но он объясняет — потому что больше некому.

Я читал и думал: он не просит верить. Он говорит: попробуй — и узнаешь.

Как лампочка.

Я листал дальше. Были иллюстрации — несколько поз, несколько схем дыхания. Я пробежал глазами.

На одной из страниц — человек сидел прямо. Не просто прямо — с геометрической точностью. Спина вертикальна. Руки на коленях — горизонталь. Угол между позвоночником и предплечьями — девяносто градусов. Ровно. Без поправки на комфорт.

Под иллюстрацией: «Поза Бога».

Я смотрел на неё долго.

Не потому что было красиво. Потому что в этой позе не было ничего потом. Только прямо сейчас, только этот угол, только это тело — здесь, на этом стуле, в эту минуту.

Я перечитал раздел про дыхание. Кроули писал коротко: вдох — задержка — выдох — задержка. Ритм строгий. Не расслабляться ни на одной фазе. Задержка на вдохе такая же важная, как сам вдох. Задержка на выдохе — как выдох.

Я понял это не как инструкцию. Как чертёж.

Закрыв книгу.

Было почти два ночи.

Я встал, придвинул к стене табурет без спинки, сел. Выпрямил спину. Положил руки на колени. Проверил угол. Закрыв глаза.

Вдох. Задержка. Выдох. Задержка.

Спина начала ныть на четвёртой минуте. На восьмой я открыл глаза, посмотрел на стену, закрыл снова. За окном прошла машина — свет от фар медленно прополз по потолку.

Ничего не произошло.

Я сидел ещё. Спина болела, левая нога начала неметь. Я думал: может это ещё одна красивая пустышка. Может завтра я положу книгу обратно на стол и через неделю забуду, что она была.

Но в этой позе было что-то, что не давало встать.

Никакого обещания рая. Никакой просьбы верить. Просто: сиди прямо, дыши вот так, и посмотри, что будет.

Как с лампочкой.

Я просидел тридцать минут. Потом лёг спать.

Утром проснулся, несколько секунд лежал с закрытыми глазами. Потолок был белым.

Встал. Умылся. Поставил чайник.

Придвинул табурет к стене.

Сел.

Девяносто градусов. Вдох — задержка — выдох — задержка.

Завтра я сяду снова.

Это было единственное, что я знал точно.

ГЛАВА 2. Поза Бога

На третий день левая нога немела на двенадцатой минуте.

Я засекал. У меня был будильник на телефоне — тридцать минут, вибрация, без звука. Я ставил его на пол рядом с табуретом экраном вниз, чтобы не смотреть, сколько осталось. Но всё равно смотрел. На пятой минуте. На девятой. Потом давал себе слово не смотреть — и смотрел на четырнадцатой.

Нога немела, начиная с колена. Сначала щекотка, потом тяжесть, потом как будто ногу отрезали и поставили рядом — она есть, но не моя. Я думал: может, поза неправильная. Может, я неправильно понял иллюстрацию. Перечитывал раздел у Кроули — он писал скупое, без объяснений анатомии: сиди прямо, угол девяносто градусов, не сутулиться, не расслабляться. Про онемение ноги — ничего.

Я решил, что нужно терпеть.

На четвёртый день нога онемела на девятой минуте, зато спина болела меньше. Я думал: значит, что-то перестраивается. Мышцы, позвонки, что-то там внутри находит своё место. Это не слова из книги — это я сам так решил, чтобы не бросать.

На пятый день я сидел и думал про работу. Про разговор с коллегой, который меня раздражал ещё в среду. Прокручивал его заново, придумывал, что надо было ответить. Придумал хороший ответ. Почувствовал удовлетворение от хорошего ответа, которого не было. Потом вспомнил, что сижу медитировать.

Кроули не писал, что делать с мыслями. Просто — вдох, задержка, выдох, задержка.

Я вернулся к дыханию.

Мысли вернулись через минуту. Другие — про магазин, про то, что надо купить масло, про фильм, который видел полгода назад и вдруг вспомнил один кадр. Я снова возвращался к дыханию. Мысли снова приходили. Это было как пытаться удержать воду в сложенных ладонях — пока смотришь, держится, отвлёкся — уже вытекла.

Я думал: может это и есть практика. Не пустота в голове, а это — возвращаться. Снова и снова возвращаться к дыханию, как возвращают собаку с поводка: не злясь, просто — сюда, ко мне, снова.

Будильник вибрировал.

Тридцать минут.

Я вставал, разминал ногу, шёл на кухню. Пил воду. Смотрел в окно. Там была улица, деревья, машины, обычное утро. Всё то же самое, что вчера. Ничего не изменилось.

Я сажусь завтракать.

На второй неделе я начал просыпаться по-другому.

Не резко — не от будильника, не от звука за окном. Медленно, слоями, как всплываешь со дна. И пока всплывал — помнил. Сны не рассыпались, не исчезали в первые секунды, как обычно. Они оставались.

Первый раз я лежал минут десять и не шевелился — боялся спугнуть. Сон был про город, которого не существует, с улицами, идущими под неправильными углами. Я там шёл куда-то и знал дорогу. Я помнил запах — что-то сырое, каменное, после дождя. Помнил цвет неба — не голубой, а белёсый, как бумага на просвет. Помнил лицо человека, которого встретил на перекрёстке, — незнакомое, но в нём было что-то знакомое, как бывает с лицами людей, которых видел в другой жизни и не помнишь, где именно.

Я лежал и держал это. Потом встал и записал в телефон — торопливо, пока не рассыпалось.

Это было что-то новое.

До этого я не помнил снов. Вообще — просыпался в пустоте, ощущение что ночь просто выключила меня и включила обратно. Иногда оставалось какое-то эмоциональное послевкусие — тревога без причины, или наоборот, необъяснимое спокойствие, — но самого содержания не было. Как будто кино шло, а экран был выключен.

Теперь экран включился.

Я записывал каждое утро. Сначала в телефон, потом купил тетрадь — обычную, в клетку, за сорок рублей. Писал сразу, не поднимаясь с кровати, пока образы ещё держались. Писал

всё подряд — детали, цвета, ощущения, людей, здания, слова, которые кто-то говорил. Почерк был плохой, некоторые слова потом не мог прочитать. Не важно.

Важно было — помнить.

Депрессия отступала не как болезнь отступает от таблеток — резко, с датой. Она уходила как уходит туман, когда смотришь на него в упор: смотришь — вроде ещё есть, отвернулся — а его уже чуть меньше. Однажды утром, где-то на десятый день, я поймал себя на том, что думаю о завтраке — просто думаю о завтраке, что сделать яичницу или кашу, — и в этой мысли не было стекла. Она была просто мыслью про еду.

Я поел яичницу.

После каждой медитации — особенно заметно это стало к концу первой недели — было что-то, что я не сразу нашёл как назвать. Не радость. Не облегчение. Что-то физическое, как будто кто-то открыл форточку в комнате, где долго не открывали. Не свежесть — просто движение воздуха. Просто что воздух — есть.

Я вставал с табурета и чувствовал это движение воздуха.

Оно длилось минут двадцать, потом уходило. На следующее утро я садился снова, в том числе — чтобы снова почувствовать его.

Это была первая вещь за долгое время, которую я хотел повторить.

Тридцать минут в день — это не много. Меньше серии какого-нибудь сериала. Меньше времени, которое я тратил на то, чтобы смотреть в потолок, не думая ни о чём конкретном.

Но в этих тридцати минутах было усилие.

Не физическое — хотя и физическое тоже, спина привыкала медленно. Другое усилие. Я не умею точно его назвать — что-то вроде усилия присутствовать. Быть здесь, на этом табурете, в этой позе, с этим дыханием — а не где-то ещё, не в разговоре из прошлой среды, не в списке дел, не в тревоге про будущее, которого ещё нет.

Мозг не хотел оставаться здесь. Он хотел куда угодно — в прошлое, в будущее, в придуманные разговоры, в воспоминания о людях, которых я давно не видел. Он уходил с проворностью кота, которому открыли дверь, — бесшумно, мгновенно, и ты не замечаешь, пока не спохватишься.

Я возвращал его.

Вдох. Пауза — лёгкие полные, не дышать, держать. Выдох. Пауза — лёгкие пустые, пустота внутри груди, держать. Вдох.

Это был ритм. Простой и жёсткий, как метроном. Пока я его держал — мозг никуда не уходил. Стоило отвлечься на мысль — ритм рассыпался, дыхание становилось обычным, бесконтрольным, и мозг уже был в другом месте.

Я возвращал его.

Это и было практикой. Не достижение пустоты. Не просветление. Просто — возвращать. Снова и снова. Каждый день, тридцать минут, на табурете с прямой спиной.

На пятнадцатый день приснилось что-то такое, от чего я проснулся и несколько секунд не мог понять, где нахожусь.

Не потому что было страшно. Потому что было слишком отчётливо.

Я был в месте, которое узнал как свою комнату, хотя оно не выглядело как моя комната — потолок был выше, окно в другой стене, мебель не та. Но я знал: это моя комната. Так бывает во сне — знание без обоснования, просто — знаешь, и всё.

И в этой комнате было ощущение.

Я не могу его описать точно. Что-то смотрело. Не страшно — не так, как смотрит что-то опасное. Иначе. Как смотрит кто-то, кто ждёт, пока ты обернёшься. Не торопит, не требует — просто — ждёт.

Я обернулся.

Никого не было.

Но ощущение осталось. Оно было в воздухе, в стенах, в тишине комнаты. Не снаружи — изнутри пространства, если это вообще можно так сказать.

Я проснулся.

Лежал. Сердце было обычным — не учащённым, не испуганным. Просто лежал и держал это ощущение в голове, пока оно не растаяло. Записал в тетрадь: *кто-то смотрел. Не страшно. Ждал.*

Встал. Сделал чай. Сел на табурет.

Вдох. Задержка. Выдох. Задержка.

К концу третьей недели характер снов изменился полностью.

Это трудно объяснить человеку, который не следил за своими снами — у него нет точки сравнения. Я могу только сказать: раньше сны были моими. В том смысле — собранными из моего дня, моих мыслей, моих тревог. Тревожился про работу — снилась работа в каком-то искажённом виде. Думал о чём-то перед сном — это лезло в сон трансформированным, перемешанным, но узнаваемым. Мозг переваривал своё.

Теперь сны стали другими.

Там появлялись вещи, которых не было в моём дне. Не просто места, которых я не знаю, — это бывало и раньше. Другое: ощущение, что сон идёт по своей логике, независимо от меня. Что в нём что-то происходит, что было бы и без меня. Что я туда — прихожу.

Это было странное ощущение — быть гостем в собственном сне.

Однажды я это осознал прямо внутри сна. Подумал: я сейчас сплю. Подумал это так же ясно, как думаешь это сейчас, читая эти слова. Не сквозь вату полусознания — ясно, чётко, полным умом.

Я сплю.

Сон не рассыпался — я ожидал, что рассыплется. Я продолжал стоять там, где стоял, — в каком-то коридоре с высоким потолком. Стены были каменными, между камнями — мох. Пахло холодом и чем-то старым.

Я поднял руку и посмотрел на неё.

Рука была моей рукой. Пять пальцев, линии на ладони. Я её чувствовал — не как образ, а как руку. Сжал — почувствовал, как пальцы давят на ладонь.

Потом проснулся.

Сел в кровати. Было раннее утро — за окном светало, но не рассвело ещё, небо было серым. Я сидел и понимал, что только что произошло что-то, у чего ещё нет названия в моём словаре.

Не просветление — я не знал, что это такое. Не видение — слишком простое слово. Просто: я был там, с работающим сознанием, и знал, что там.

Я записал в тетрадь: *осознал, что сплю. Рука. Мох на стенах. Не испугался.*

Потом сел на табурет.

Вдох. Задержка. Выдох. Задержка.

Они появились на двадцать шестой день.

Я веду счёт точно, потому что считал тогда — каждое утро маленькая чёрточка на полях тетради. Двадцать шесть чёрточек. Двадцать шесть раз табурет, спина, девяносто градусов.

Сон начался обычно — я шёл куда-то, был какой-то город, какие-то люди. Потом — я это теперь умел — я понял, что сплю. Остановился. Огляделся.

Они стояли у стены.

Двое. Худые — не болезненно, а как будто лишнего нет совсем, только то, что нужно. Коричневые — не загар, не цвет кожи какой-то национальности, а именно коричневые, как дерево, как земля. Они смотрели на меня. Не угрожающе. Как смотрят на кого-то, кого давно ждали и вот — дождались.

Я почувствовал страх.

Не панику — именно страх. Холодная волна от затылка вниз по спине. Инстинктивный, первобытный, тот страх, который не думает, а просто — бей или беги.

Я выбрал беги.

Проснулся резко, как выдернутый. Сердце быстрое. Комната тёмная. Часы на телефоне — четыре утра.

Я лежал и думал: кто они.

Не — что это было, не — приснилось. Именно — кто они. Потому что они были живые. Не образы, не символы. Живые.

На следующий день я сидел на табурете и думал про них. Думал — и терял ритм дыхания. Возвращался к ритму — и снова думал. Тридцать минут прошли в этой борьбе.

Ночью они появились снова.

Я опять понял во сне, что сплю. Они снова стояли — теперь ближе, в той же комнате, где я. Один из них смотрел прямо, без улыбки, без выражения. Другой — чуть сбоку.

Страх пришёл снова. Тот же холод от затылка.

Первый — который смотрел прямо — сделал что-то. Не шагнул, не двинулся. Просто как-то изменился воздух вокруг него, или моё восприятие изменилось — и страх ударил сильнее. Не в два раза сильнее — в другой мере вообще, как будто кто-то взял регулятор и повернул до конца.

Я почувствовал, что умираю.

Не в смысле — подумал про смерть. В смысле — тело знало. Та часть, которая не рассуждает — она знала: это конец. Всё.

Я закричал.

Во сне кричал — беззвучно, как всегда во сне, рот открыт, а звука нет. И в этот момент — рука. Кто-то держал меня. Крепко, но не грубо. Второй из них — тот, что стоял сбоку.

И голос. Низкий, ровный, без интонации — не добрый, не злой:

— Остановись. Это не реально. Ты думаешь, что умираешь. Ты не умираешь.

Я слышал его — не ушами, иначе. Как будто слова появлялись прямо в голове, минуя воздух.

— Это ментальная реальность. Страх — твоя реакция. Не смерть. Реакция. Останови реакцию.

Я не мог остановить реакцию. Тело — то, что было телом там, в этом месте — тряслось. Холод от затылка не уходил.

— Держись, — сказал голос. — Просто держись.

Я держался.

Не потому что умел. Просто держался, потому что рука держала меня, и пока она держала — я не падал.

Страх не ушёл. Но я не убежал.

Через какое-то время — я не знаю сколько, время там работает иначе — первый из них сделал что-то обратное. Воздух изменился в другую сторону. Страх отступил. Не сразу — как морская волна отступает: сначала медленно тянет назад, потом быстрее, потом уходит.

Я стоял. Дышал. То есть — то, что было дыханием там.

Второй отпустил руку.

Они оба смотрели на меня. Первый — без выражения. Второй — мне показалось, с чем-то похожим на одобрение. Или это я хотел так думать.

Никто ничего не говорил.

Я проснулся.

Я не рассказывал никому.

Не потому что боялся, что не поверят — я сам не знал, что это. Не знал, как поставить это в ряд с тем, что считается реальным и что нет. Это было реальнее многих вещей из моего дня — реальнее разговоров на работе, реальнее телевизора за стеной, реальнее списка в магазине. По плотности ощущений — реальнее.

Но я не знал, что с этим делать.

Продолжал садиться на табурет. Каждое утро. Девяносто градусов, вдох-задержка-выдох-задержка.

Они появлялись каждую ночь.

Не всегда с этим прямым страхом — иногда просто присутствовали. Стояли где-то в пространстве сна, пока я ходил по нему, осознавая, что сплю. Иногда говорили что-то — коротко, без объяснений. Один раз первый из них показал мне что-то: я не могу описать что, у этого нет аналогов в обычном языке. Какую-то структуру пространства, что ли. Как оно работает здесь, в этом месте, — не как в физическом мире.

Я не понял всего. Но что-то зацепилось.

Второй иногда задавал вопросы. Станные вопросы — не про меня, не про мою жизнь. Про то, что я воспринимаю прямо сейчас, в этот момент, в этом месте: что я чувствую под ногами, что вижу на периферии, что слышу. Как будто тренировал внимание.

Я отвечал. Он слушал. Иногда кивал. Иногда говорил: ещё раз, внимательнее.

Я не знал их имён. Не спрашивал — казалось неуместным. Они не представлялись.

Страх они использовали как инструмент.

Я понял это не сразу — сначала думал, что они просто пугают, и злился, и несколько раз просыпался с желанием не возвращаться туда больше. Потом начал замечать структуру.

Всякий раз, когда страх приходил с их помощью — это было тогда, когда я начинал уходить. Не физически уходить — сознание начинало тускнеть, терять ясность, соскальзывать обратно в обычный сон, где ты не знаешь, что спишь. И в этот момент — страх. Как пощёчина, как резкий свет — сознание вспыхивало снова, становилось отчётливым.

Страх удерживал ясность.

Это было жёстко. Это было некомфортно. Но это работало.

Я начал держаться дольше. Первые осознанные сны у меня длились секунды — двадцать, тридцать, потом я проваливался обратно или просыпался. Теперь я мог держаться минуту. Три. Однажды — очень долго, я не знаю сколько точно, но долго.

Они всё время были рядом. Не мешали — именно рядом, как кто-то, кто страшит, но не делает за тебя.

Говорили мало. Только когда я начинал паниковать — тогда голос: не бойся, остановись, это ментальная реальность, держись. Всегда одни и те же слова, почти дословно. Как инструкция, которую повторяют, пока не войдёт в автоматизм.

Я думал иногда: кто они. Откуда. Зачем им это.

Они не отвечали на такие вопросы. Либо я не спрашивал вслух — в этих снах граница между подумал и сказал была нечёткой.

На тридцать восьмой день они не пришли.

Я понял это посреди сна — стоял где-то, осознавал, что сплю, и ждал их. Огляделся. Никого. Пространство было пустым — не страшно, просто пустым.

Я подождал. Прошёлся. Снова огляделся.

Их не было.

Я был один в осознанном сне — впервые по-настоящему один, без страховки, без голоса, который скажет: держись.

Первая реакция была — испугаться. Не острый страх, тот, который они вызывали намеренно, — другой, фоновый: а вдруг я не удержусь один. Вдруг соскользну.

Я остановился.

Вспомнил голос: это ментальная реальность. Страх — твоя реакция. Не смерть. Реакция. Постоял.

Сознание держалось.

Я сделал шаг. Пространство отозвалось — не изменилось, просто отозвалось, как отзывается комната, когда ты в ней один и она знает об этом.

Я пошёл.

Куда — не важно. Просто шёл, смотрел, слушал. Воздух был тёплым и чуть влажным. Под ногами — что-то твёрдое, не камень, не земля, что-то среднее. Вдалеке был свет — не солнечный, ровный, без источника.

Я дошёл до этого света.

Там ничего особенного не было. Просто — светлее. Я постоял в этом светлее.

Потом проснулся.

Утром я сел на табурет и думал, пока выставлял будильник: они подготовили меня. Именно это. Две недели — не случайный срок. Они пришли, когда я был готов их воспринять, и ушли, когда я был готов идти один.

Я не знал, правда ли это. Может, я придумываю логику там, где её нет. Может, они просто перестали приходить.

Но я думал: нет. Это была подготовка.

Я закрыл глаза. Выпрямил спину.

Вдох.

Задержка — лёгкие полные, секунда, две, три, держать.

Выдох.

Задержка — пустота внутри, пять секунд, шесть, семь.

Вдох.

Спина не болела теперь. Нога немела только на двадцать второй, двадцать третьей минуте. Мозг уходил — я его возвращал. Это стало привычным, почти автоматическим: ушёл — вернул. Без злости, без усилия. Просто — сюда, ко мне.

В какой-то момент — я не мог сказать когда именно, будильник ещё не вибрировал — мысли перестали приходить. Совсем. Не было коридора с мхом, не было первого существа с его холодным взглядом, не было коллеги со среды и хорошего ответа, который я придумал постфактум. Не было ничего.

Было только дыхание.

Вдох. Задержка. Выдох. Задержка.

Я не знал, сколько это длилось. Будильник вибрировал — я не услышал сразу, почувствовал через несколько секунд, как будто возвращался издалека.

Открыл глаза.

Комната была той же комнатой. Стол, книги, старый след от чашки. Окно, за ним — дерево, за деревом — небо.

Но что-то было иначе.

Не в комнате — во мне. Не то движение воздуха, которое я чувствовал с первых дней. Что-то тише и глубже. Как будто в той комнате, из которой вынесли всю мебель, — появился свет. Не мебель. Просто свет.

Я встал. Разминал ногу.

Подумал про завтрак.

Подумал про яичницу или кашу.

Выбрал яичницу.

И в этом маленьком выборе про яичницу было что-то, чего давно не было. Не радость — слишком громкое слово. Просто — нормально. Просто — здесь.

Просто — живу.

Через несколько дней я увеличил время до часа.

Не сразу — сначала попробовал сорок пять минут, посмотрел, как это. Нормально. Потом час. Нога немела, но я научился двигаться с ней, менять положение чуть-чуть, не нарушая позу. Спина держалась.

Час в день — это уже серьёзно. Это уже не просто попробовать. Это решение.

Я принял его без торжественности. Просто поставил будильник на час и сел.

Сны становились всё плотнее. Всё длиннее — в том смысле, что я мог дольше удерживать осознанность. Иногда я экспериментировал: пробовал изменить что-то в пространстве сна — посмотреть, получится ли. Иногда получалось. Протягивал руку к стене, стена становилась мягкой под пальцами, как ткань. Смотрел на дверь и думал: пусть она откроется, — дверь открывалась.

Иногда не получалось — и я просто шёл, просто смотрел, просто был там.

Двух существ не было. Но их не нужно было — я уже знал, что делать. Держаться. Не реагировать на страх. Возвращаться к ясности, как возвращаешься к дыханию.

Однажды ночью, примерно на сорок пятый день, я стоял в осознанном сне и смотрел на что-то большое.

Не могу сказать, что именно — у этого не было чёткой формы. Что-то тёмное и огромное впереди, как туча, но не туча, как стена, но без края. Оно не приближалось. Просто было там.

Я стоял и смотрел.

Страх не было. Было что-то другое — не восхищение, не любопытство. Что-то старше этих слов. Как будто часть меня знала это место и этот вид. Как будто я уже стоял здесь, очень давно, в другой жизни или вне жизни.

Я стоял долго.

Потом проснулся.

За окном рассветало. Деревья были серыми, небо — розовым у горизонта. Я лежал и держал это ощущение, пока оно не растаяло.

Записал в тетрадь одно слово: *знакомо*.

Встал. Умылся. Поставил чайник.

Придвинул табурет к стене. Сел.

Спина прямая. Угол девяносто градусов. Руки на коленях.

Вдох. Задержка. Выдох. Задержка.

За окном дотаивал розовый.

Сорок шестой день.

ГЛАВА 3. Наставники

Первое, что я понял про них — они не были добрыми.

Я долго пытался их классифицировать. Ангелы — нет, слишком холодные. Демоны — нет, не было желания навредить. Учителя — ближе, но учителя обычно объясняют. Эти не объясняли. Они делали что-то с пространством вокруг тебя, и ты учился через то, что происходило с твоим телом, с твоим страхом, с твоей способностью не убегать.

Доброта тут была ни при чём.

Они появлялись каждую ночь. Я уже писал про первый раз — как испугался и выскочил из сна. Потом вернулся. Подошёл. Они ждали.

Теперь — про то, что было дальше.

На второй день один из них — тот, что стоял прямо и смотрел без выражения, я называл его про себя Первым — сделал что-то странное.

Я стоял в оознанном сне, держался, пытался не потерять ясность. Первый вдруг сказал:

— Ты сейчас упадёшь.

Я не понял. Спросил: как упаду, куда.

Он не ответил. Просто смотрел.

И я упал.

Не физически — я не двигался, стоял на том же месте. Но что-то внутри пространства изменилось, как будто пол ушёл из-под ног, хотя пол был на месте. Как в лифте, когда тряс лопается — секунда невесомости, и желудок уходит вверх, и тело знает: всё.

Паника была мгновенной и полной.

Второй — тот, что стоял сбоку, Второй — взял меня за плечо. Крепко. Не нежно, а именно крепко — так берут, когда нужно, чтобы человек не убежал.

— Стой, — сказал он. — Ты не падаешь. Посмотри вниз.

Я посмотрел. Пол был там. Твёрдый, никуда не делся.

— То, что ты чувствуешь — не падение. Это мысль о падении. Они разные.

Я дышал — то есть делал то, что было дыханием там. Паника не уходила.

— Ты всё ещё стоишь, — сказал Второй. — Считай: ты стоишь одну секунду. Считай.

Я считал.

Одна. Две. Три.

Паника начала рассыпаться — не уходит, а именно рассыпаться, как рассыпается что-то, что потеряло форму. Четыре. Пять.

На восьмой я проснулся — не от страха, а от усилия удержать ясность. Просто вышли ресурсы.

Но я не убежал. Впервые — не убежал.

Они шутили.

Это звучит странно в контексте всего остального, но это так. У них был юмор — очень специфический, без улыбки, без интонации. Чистая констатация нелепого.

Однажды я появился в оознанном сне на краю чего-то высокого — я сразу не понял, что это, потом разобрался: крыша, очень высокая, и внизу было далеко. Первый стоял рядом.

Я почувствовал знакомое — холод от затылка, инстинктивный шаг назад.

— Высота? — спросил Первый тем же ровным голосом, которым сообщают температуру воздуха.

— Да, — сказал я, или подумал, или и то и другое.

— Интересно, — сказал он. — В прошлый раз ты боялся пространства без пола. Сегодня — пространства с полом, но слишком высоко над землёй. Ты боишься пространства вообще.

Пауза.

— Это неудобно, — добавил он.

Это была шутка. Я понял это, только проснувшись. Там, в моменте, мне было не до юмора — я цеплялся за ясность, считал секунды, держался. Но потом, уже утром, за чаем, я вспомнил его интонацию — это неудобно — и засмеялся. Впервые за несколько месяцев засмеялся один, на кухне, без причины, которую можно было бы объяснить другому человеку.

Их методы работали по одному принципу.

Они находили то, что вызывало у меня страх — не общий, размытый страх, который фоном существовал в моей жизни всегда, а конкретный, острый, — и подносили к нему вплотную. Не давали убежать. Держали рядом ровно столько, сколько нужно, чтобы я почувствовал: я не умираю. Страх — есть, он настоящий, он работает в полную силу — но я не умираю.

Это была очень простая мысль. Невозможно сложная для тела.

Тело не умеет в логику, когда страшно. Тело умеет в одно: уйди. Немедленно. Любой ценой. Неважно откуда — из комнаты, из сна, из разговора, из жизни, — уйди, прямо сейчас.

Они учили не уходить.

Не храбрости — это другое слово, там есть что-то про самоуважение, про героизм. Просто — оставаться. Физически, буквально, секунду за секундой оставаться в месте, где страшно, и убеждаться: я всё ещё здесь. Страх всё ещё здесь. Мы оба здесь, и пока ничего не произошло.

Одна ночь была особенной. Я не знаю, на какой день это было — сбился со счёта в середине их присутствия. Но помню отчётливо.

Я вошёл в осознанный сон и сразу почувствовал: что-то не так. Не страх — что-то глубже страха. Пространство было другим. Обычно оно было нейтральным — ни тёплым, ни холодным, просто существовало. Сейчас оно давило. Не физически — иначе. Как бывает в комнате, где только что поругались люди, и люди ушли, а давление осталось.

Первый и Второй стояли в обычных своих местах, но выглядели иначе. Не визуально — я не могу сказать, что именно изменилось во внешнем виде. Что-то в том, как они стояли. Плотнее. Как будто готовились.

— Сегодня другое, — сказал Первый.

Я спросил: что другое.

Он не ответил. Просто — то давление, которое было в воздухе, стало сильнее.

Я не мог его описать иначе как — присутствие чего-то очень большого. Не существа, не опасности — именно масштаба. Как если смотреть на горы в первый раз, и мозг сначала отказывается обрабатывать, потому что у него нет системы измерений для такого размера. Паника, которая приходит от столкновения с тем, что тебя несоразмерно больше.

Тело хотело уйти.

Я слышал Второго — спокойно, у самого уха, хотя он стоял в метре:

— Дыши. Медленно. Вдох-задержка. Ты знаешь как.

Я не мог дышать — там не было дыхания в физическом смысле. Но я понял: он говорит не про лёгкие. Он говорит про ритм. Вдох-задержка — это не воздух, это структура. Войди в структуру.

Я вошёл в структуру.

Давление не уменьшилось. Оно осталось таким же. Но я перестал с ним бороться — просто стоял в нём, как стоят в очень сильном ветре, не пытаясь бороться, а просто — стоя.

Это длилось долго.

Потом Первый сказал:

— Достаточно.

И давление ушло — мгновенно, как отключают звук.

Я проснулся.

Лежал в темноте. Сердце было обычным. Дыхание обычным.

Я думал: что это было. Не кто — что. Что это за масштаб, который они мне показали. Зачем.

Не нашёл ответа. Записал в тетрадь: большое. Стоял. Не ушёл.

Страх имеет слои. Это я понял с ними.

Верхний слой — страх конкретного. Упасть. Темнота. Что-то за спиной. Этот слой они разобрали быстро — за первые несколько дней. Подносили вплотную, держали, я убеждался, что не умираю. Слой истончался.

Под ним — страх потери контроля. Страх, что мой ум не мой. Что решения, которые я считаю своими, принимает что-то другое. Это было сложнее — тут не помогало просто стоять. Тут нужно было наблюдать. Смотреть, как мысль возникает, и видеть, что ты — не мысль. Мысль — это то, что происходит в тебе. Не ты сам.

Они не объясняли это словами. Они создавали ситуации, где я это видел сам.

Один раз Первый что-то сделал — и я несколько секунд думал, что я — он. Не метафорически. Буквально: я смотрел из его глаз, думал его мыслями, и в этом не было ничего ужасного, просто — это был не я. Потом это прошло, я вернулся в себя.

Первый спросил — без интонации, как всегда:

— Где ты был только что?

— Там, — сказал я.

— Ты помнишь, что ты — это ты?

— Да.

— Значит, ты не терялся. Ты путешествовал.

Пауза.

— Это разные вещи, — добавил он, тем же голосом. — Хотя выглядят похоже.

Под страхом потери контроля был ещё один слой.

Самый глубокий. Я не уверен, что у него есть название — по крайней мере, я не нашёл слова, которое бы точно подходило.

Это был страх настоящего.

Не будущего — про будущее все говорят, что нужно его не бояться. Именно настоящего. Страх быть здесь, прямо сейчас, полностью, без буфера между собой и тем, что есть. Без стекла.

Я жил за стеклом много лет — я уже писал об этом. Стекло защищало. Когда они начали убирать слои страха один за другим, стекло начало таять. И под ним оказалось — просто мир. Без фильтра. Слишком громкий, слишком яркий, слишком настоящий.

Это было страшнее всего остального.

Один раз, где-то в середине второй недели, я стоял в осознанном сне, и Второй сказал что-то, что я помню дословно:

— Ты не боишься умереть. Ты боишься жить полностью. Это другой страх. Его нельзя перестоять — его нужно выбрать.

Я спросил: что выбрать.

— Быть здесь, — сказал он. — Без половины себя за стеклом.

Я тогда не понял до конца. Слова были простые, но что-то в них было такое, что я не мог взять сразу, как не берёшь сразу очень горячее — держишь, пока не остынет до той температуры, которую можно держать.

Я нёс это несколько дней.

На тринадцатый день — я точно знаю, тринадцатый, потому что специально считал, чувствовал, что заканчивается что-то — они пришли другими.

Не внешне. Но как-то иначе. Как человек, который собрался уходить, ещё не встал, но уже собрался — это видно в том, как он сидит, как смотрит, в небольшом отстранении, которое появляется раньше, чем движение.

Они были отстранены.

Я ничего не спрашивал — инстинктивно не хотел произносить вслух то, что чувствовал. Мы работали как всегда: они создавали ситуацию, я оставался, считал секунды, убеждался, держался. Всё то же самое. Но что-то сдвинулось.

В конце — Первый сказал:

— Ты держись достаточно долго.

Это была оценка. Первая за тринадцать дней. Он никогда раньше не оценивал — просто делал следующее, и следующее, и следующее.

Я хотел спросить: достаточно для чего. Не спросил.

Второй положил руку на плечо — не чтобы удержать, как раньше, иначе. Как прощаются.

Я проснулся с этим.

На четырнадцатый день их не было.

Я вошёл в осознанный сон — всё получилось быстро, почти привычно, — и огляделся. Пусто. Пространство было нейтральным, без давления, без присутствия.

Я ждал. Ходил. Возвращался.

Никого.

Первая мысль — что-то пошло не так. Вторая — может завтра. Третья — нет. Не завтра. Они закончили.

Я стоял в пустом пространстве своего осознанного сна и думал: всё. Теперь один.

Страх был другим. Не тот острый, с холодом от затылка, который они так старательно учили меня не бояться. Другой — тихий, медленный, как вода прибывает. Страх одиночества. Страх того, что страховки больше нет.

Что если я соскользну. Что если не удержусь. Что если то большое, которое они мне показали — я встречу его один, без Второго рядом, без его руки на плече.

Я стоял.

Вспомнил: это ментальная реальность. Страх — твоя реакция. Не смерть. Реакция.

Вслух — или не вслух, там это одно и то же — произнёс это сам. Своим голосом.

Это ментальная реальность. Страх — твоя реакция.

Постоял ещё.

Сделал шаг вперёд. Без них. Один.

Пространство отозвалось — просто отозвалось, как отзывается, когда ты в нём есть.

Я шёл. Не знал куда. Просто шёл.

И держался.

Утром записал в тетрадь: ушли. 14 дней. Один.

Три слова.

Поставил чайник. Смотрел в окно. Деревья были без листьев — я не заметил, когда облетели. Значит, давно. Несколько недель я не замечал деревьев за окном — только табурет, только дыхание, только сны.

Чайник закипел.

Я налил чай, сел за стол, не за табурет — просто за стол, по-человечески, с кружкой. Смотрел на стол. На след от кружки — старый, и новый, который появлялся прямо сейчас.

Думал: они подготовили меня к чему-то. Это точно. Четырнадцать дней — не случайный срок. Они пришли с какой-то целью, выполнили её и ушли. Как люди, которых нанимают на конкретную работу — закончили, ушли.

Я не знал, к чему именно.

Но что-то внутри знало, что дальше будет сложнее. Что то, к чему они готовили — это не упражнение. Это что-то настоящее.

Я допил чай.

Придвинул табурет к стене.

Девяносто градусов. Вдох. Задержка.

Снаружи ветер двигал голые ветки деревьев. Они качались без листьев — только ветки, тонкие, тёмные на сером небе.

Выдох. Задержка.

Один.

ГЛАВА 4. Первобытный мир

Это случилось не тогда, когда я ждал.

Я ждал каждую ночь. Ложился, закрывал глаза, и где-то в задней части головы было это ожидание — как человек ждёт письма, зная, что оно когда-нибудь придёт, и каждый раз, когда открывает ящик, на секунду задерживает дыхание. Каждую ночь — задержка дыхания, каждую ночь — обычный сон. Ничего особенного. Иногда осознанный, чаще нет. Я работал с тем, что было, не торопился.

Наставники ушли десять дней назад. Или двенадцать — я сбился.

Без них было иначе. Не хуже — просто иначе, как иначе ходишь по квартире, когда знаешь, что один, не потому что одиноко, а потому что по-другому слышишь свои шаги. Я входил в осознанный сон и шёл — куда-то, по пространству, которое каждый раз было разным. Иногда знакомым, иногда нет. Изучал. Смотрел. Трогал поверхности — в этом месте видение работало через касание, я это уже знал.

Держался долго — дольше, чем раньше. Иногда очень долго.

Но не то. Всё не то.

Я не мог сформулировать, чего жду, — только чувствовал, что это будет понятно сразу, когда придёт. Как узнают погоду по воздуху до дождя, ещё без единой капли.

В ту ночь я лёг позже обычного.

Не специально — просто засиделся. Читал что-то, потом смотрел в окно, потом просто сидел на кухне с пустой кружкой. За окном был город в час ночи: редкие машины, жёлтые фонари, один освещённый прямоугольник в доме напротив — кто-то тоже не спал. Мы не знали друг о друге. Просто два огня в темноте.

Я лёг. Не сажусь на табурет — время было уже неподходящее, это нарушило бы тело. Просто лёг, накрылся, закрыл глаза.

Думал ни о чём конкретном. Прокручивал день — обычное, рабочее, незначительное. Мозг жевал это вяло, без интереса. Я чувствовал, как тело тяжелеет — сначала ноги, потом спина, потом плечи. Дыхание становилось медленнее.

Я засыпал.

Момент перехода — я теперь умел его чувствовать, как умеют чувствовать момент, когда машина переключает передачу, не видя рычага, а по звуку и вибрации. Сознание не выключалось — оно менялось. Переходило в другой режим. Как экран, который не гаснет, а меняет источник сигнала.

В этот раз переход был другим.

Не резким — плавным. Очень плавным, почти незаметным, как вода, которая так медленно прибывает, что не замечаешь, пока не стоишь по колено. Я засыпал — и не засыпал. Я был в промежутке, в том месте между, для которого нет точного слова: ещё слышу своё дыхание, ещё чувствую матрас под спиной — и уже там, в другом пространстве, тоже присутствую.

Потом матрас исчез.

Не резко — просто перестал быть. Дыхание осталось, но уже не как физический процесс, а как что-то другое, как ритм, который есть, но не требует лёгких.

Я был на балконе.

Наш балкон — я знал его наизусть. Старые перила, крашенные несколько раз поверх старой краски, она вспучилась пузырями в одном месте, я иногда ковырял их пальцем. Пластиковые стулья, один из которых качался на трёх ногах. Ящик из-под чего-то, в котором

жили инструменты и ничего больше. Вид на двор: детская площадка, четыре машины, дерево с обломанной нижней веткой.

Я стоял на этом балконе.

Ночь. Фонарь во дворе горел. Машины стояли. Всё как должно быть.

Я посмотрел внутрь — через стеклянную дверь в комнату. Там горел ночник, маленький, оранжевый. И на кровати — я.

Я спал.

Видел себя со стороны: лежащий человек под одеялом, тёмные волосы на подушке, рука свесилась с края кровати. Абсолютно неподвижный. Грудь медленно поднималась и опускалась.

Я смотрел на себя спящего и думал — не испуганно, не удивлённо, а с каким-то спокойным любопытством, как смотрят на интересный предмет в витрине: вот значит как это выглядит снаружи. Вот это тело, которое я ношу. Вот оно — без меня в нём.

Оно выглядело обычно. Просто спящий человек.

Я отвернулся от него.

Посмотрел через перила вниз — двор был тот же, фонарь, машины. Посмотрел вправо — соседский балкон, на нём сохло что-то белое. Всё правильно. Всё знакомо.

Потом я посмотрел прямо.

И там — за тем местом, где должны были быть крыши соседних домов, за тем горизонтом, который я видел каждый день — было что-то другое.

Не сразу понял. Сначала думал: туман. Или дым. Или просто ночное небо странно легло над городом. Щурился — не потому что плохо видел, а потому что мозг не сразу разрешал себе принять то, что видел.

Там не было города.

За нашим двором, за детской площадкой и четырьмя машинами, за тем расстоянием, которое я мог бы пройти пешком за пятнадцать минут, — начинался другой мир.

Зелёный. Весь зелёный — не как парк, не как поле, иначе. Живой зелёный, плотный, не равномерный, а такой, какой бывает, когда зелень растёт сама, не зная ни о каких городах и дорогах. Деревья — огромные, с такими кронами, что одно дерево занимало бы половину нашего двора. Трава между ними — не газонная трава, другая, высокая, тёмная в тени деревьев, светлая там, куда падал свет.

Но света не было — ночь. Или не ночь — освещение там было другим, не солнечным, не лунным. Как будто сам воздух немного светился. Достаточно, чтобы видеть.

Я держался за перила обеими руками.

Смотрел.

Сначала я услышал их.

Звук, который я не умею описать точно — что-то очень низкое, почти инфразвуковое, как будто земля разговаривала сама с собой. Не угрожающе — просто очень большое. Размер, переведённый в звук. Я его чувствовал не столько ушами, сколько грудной клеткой — как чувствуют очень мощный бас.

Потом увидел.

Они шли между деревьями — медленно, не торопясь, как ходят очень большие животные, которым некуда торопиться. Первый выступил из тени, и я увидел бивни — белые, изогнутые, длиной с половину его же туловища. Шерсть была тёмно-рыжей, длинной, волновалась при каждом шаге.

Мамонт.

Живой мамонт.

Я смотрел и не дышал — то есть не делал того, что было там дыханием. Просто стоял, вцепившись в перила, и смотрел.

Он шёл. Земля чуть вздрагивала при каждом шаге — я чувствовал это через перила, через ноги. Голова огромная, покачивается в такт движению. Хобот чуть опущен, не тревожно — спокойно, как опускают руки, когда идут и ни о чём не думают.

Он не замечал меня. Или замечал, но я был незначительным — маленькое существо на маленьком балконе маленького здания, которое вообще-то здесь ни при чём.

За первым мамонтом вышел второй. Потом третий.

Они шли куда-то — у них было направление, у них было дело, у них была жизнь, которая шла своим ходом задолго до меня и продолжится после.

Потом — из-под огромного бока одного из них — выступил маленький.

Мамонтёнок.

Я не был готов к мамонтёнку.

Он был маленьким относительно них — но всё равно большим, наверное, с молодую лошадь. Шерсть была такой же рыжей, но светлее, как бывает светлее у детёнышей. Он шёл рядом со взрослым, почти касаясь его бока — не из страха, из близости, из того инстинкта, который говорит: я рядом с тем, кто больше, и это правильно.

Время от времени он смотрел по сторонам — с тем особенным детским любопытством, которое одинаково у всех детёнышей всех видов: мир огромный и весь интересный, и непонятно, куда смотреть сначала. Он поднял хобот — исследовал воздух. Потом опустил. Потом снова поднял.

Я засмеялся.

Не потому что решил засмеяться. Просто засмеялся — само, изнутри, как выходит воздух из лёгких, когда на них давят. Это было неудержимо и никак не связано с тем, что обычно называют смешным. Это было что-то другое — что-то, что приходит, когда видишь что-то настолько живое, настолько настоящее, настолько не обязанное существовать, но существующее.

Потом я понял, что плачу.

Не вместо смеха — вместе с ним. Одновременно. Я смеялся и у меня текли слёзы — там, где были слёзы в этом пространстве, я не знаю, был ли это физический процесс или что-то другое, но ощущение было точно таким же, как когда плачешь по-настоящему. Грудь сжимается. Горло. Что-то слишком большое, чтобы поместиться внутри.

Я держался за перила и смеялся и плакал и смотрел на мамонтёнка, который исследовал воздух хоботом в первобытном лесу за нашим двором.

Их было больше, чем я сначала увидел.

Когда первые три прошли дальше и немного открылось пространство между деревьями, я увидел ещё. Пять. Семь. Целое стадо — они двигались не в линию, а как-то более сложно, как движутся животные, у которых есть социальная структура, есть отношения, есть то, что нельзя назвать иначе как жизнь. Один остановился у дерева, потрогал его хоботом. Два других шли рядом, плечо к плечу — или то, что у мамонтов вместо плеча. Ещё один где-то в тени, видны только бивни.

И несколько маленьких. Не один мамонтёнок — несколько.

Один из них забежал вперёд взрослого — не убегая, а именно забежал, как дети забегают вперёд и оглядываются. Взрослый не ускорился, просто шёл. Мамонтёнок постоял, дождался, пошёл рядом снова.

Я смотрел.

Я не думал ни о чём — это важно сказать. Обычно у меня в голове что-то происходит, какой-то фоновый процесс, какое-то жевание мыслей. Сейчас — нет. Была только эта картина, этот звук — низкое, земляное, живое — и я на балконе над этим.

Стекла не было.

Я понял это не как умозаключение — как физическое ощущение. Вот уже сколько лет стекло между мной и миром. Сейчас его не было. Не потому что я его разбил или растворил. Просто здесь его никогда не было — здесь, в этом месте, в этой реальности оно не существовало как категория.

Здесь всё было прямым контактом.

Воздух на коже — на том, что было кожей. Запах — влажный, густой, живой, запах мира, который не знает асфальта. Звук этих шагов в земле. Всё это приходило без буфера. Прямо. Как лампочка.

Я не знаю, сколько смотрел.

Время там работало не так. Не быстрее и не медленнее — просто иначе, без тревоги, которую время обычно тащит за собой. Без ощущения, что оно кончается. Просто — было.

Стадо двигалось. Медленно уходило в глубину леса, в ту зелёную плотность, откуда они пришли. Мамонтията шли рядом со взрослыми. Тот, который забегал вперёд, теперь шёл рядом и держался ближе — устал, может, или просто насмотрелся на мир.

Последний из взрослых остановился на секунду перед тем, как уйти в тень.

Я мог поклясться, что он смотрел на меня.

Не точно — может, смотрел в мою сторону. Может, просто остановился по своей причине. Но секунду мы смотрели друг на друга — огромное рыжее существо из прошлого мира и маленькое существо с балкона, которое не должно было здесь быть.

Потом он ушёл.

Деревья закрыли его. Звук шагов ещё немного держался в воздухе, потом затих.

Лес был там — живой, тёмный, светящийся изнутри своим воздухом. Но стадо ушло вглубь, и пространство между деревьями снова было пустым.

Я стоял на балконе.

За спиной, через стекло, я спал на кровати.

Я не хотел уходить.

Это было новым ощущением — обычно выход из осознанного сна был или вынужденным (страх, усталость, потеря ясности) или нейтральным (просто заканчивалось). Сейчас я стоял и думал: не сейчас. Ещё немного.

Смотрел на лес. Лес был. Воздух был. Тишина после стада — особая тишина, которая бывает, когда большое живое ушло, и остался след его присутствия в воздухе.

Я думал: они живут там. Это не картинка, не декорация. Это мир, в котором они живут. У них есть куда идти. У них есть что делать. Этот мир существует — сейчас, в эту минуту, пока я сплю на кровати за стеклянной дверью.

Думал: сколько таких миров.

Думал: я нашёл выключатель. Не понял ещё, к чему он. Но нашёл. И лампочка — горит. Не потому что верю. Потому что вижу.

Я не помню, как закончился этот сон.

Не потому что провалился в обычный сон и потерял нить — нет. Просто в какой-то момент я был на балконе, а в следующий — я лежал в кровати с открытыми глазами и смотрел в потолок.

Тот же потолок. Белый, абсолютно обычный.

Ночник оранжевый. Рука — та самая, которую я видел свешенной с края кровати — лежала поверх одеяла. Мои пальцы. Я пошевелил ими.

Было тихо.

Я лежал и держал то, что было со мной секунду назад — балкон, перила, лес, мамонт в полную величину, мамонтёнок с поднятым хоботом, запах влажного первобытного воздуха, низкий земляной звук шагов.

Всё было на месте.

Я помнил каждую секунду — от момента, когда лежал и засыпал, думал о ни о чём конкретном, чувствовал как тяжелеют ноги, — до этой секунды, когда лежу с открытыми глазами и смотрю в потолок.

Всё подряд. Без пропусков.

Переход в сон — помню. Балкон — помню. Себя, спящего на кровати — помню. Первые звуки, первый мамонт из тени, бивни, рыжая шерсть, мамонтёнок, воздух без стекла, последний мамонт, который, может быть, смотрел на меня. Всё помню. Подряд, одной нитью, без единого разрыва.

Я ждал, пока это рассыплется — как всегда рассыпаются сны, как утренний туман. Ждал секунду, две, три.

Не рассыпалось.

Встал.

Подойшёл к балконной двери — медленно, как подходят к чему-то, чего немного боятся. Открыл её.

Ночной воздух. Прохладный, городской — выхлоп, немного пыли, где-то далеко готовили что-то, запах жареного лука из открытого окна в соседнем доме.

Двор внизу: фонарь, четыре машины, детская площадка, дерево с обломанной веткой. Ничего другого.

Никакого леса. Никаких деревьев с кронами в половину двора. Горизонт был городским — крыши, антенны, далёкие огни.

Всё правильно. Всё на месте.

Я стоял на том же балконе — с теми же вспученными перилами, с тем же пластиковым стулом на трёх ногах — и знал: я только что был здесь. На этом же балконе. И смотрел туда, где сейчас городские крыши.

Оба раза — настоящие.

Это была мысль, которая не помещалась в привычную логику — но я не стал её в неё запихивать. Просто держал. Как держат что-то хрупкое — не сжимая, а ладонями под низ.

Я не пошёл спать.

Сел на кухне. Налил воды — не чай, просто воду. Смотрел в темноту окна, за которым была ночь.

Думал о непрерывности.

Всю мою жизнь — то, что я называл жизнью — было разрезано на куски. День и ночь. Бодрствование и сон. Здесь и там. Сознательное и бессознательное. Каждое утро я просыпался, и ночь была вычеркнута, как вычеркивают то, чего не было. Восемь часов небытия. Треть жизни — в никуда.

Сейчас этой вычеркнутости не было.

Я помнил, как засыпал. Как переходил. Как был там. Как вернулся. Это был один непрерывный опыт — не прерванный сном, а продолженный через него.

Я думал: значит, сознание не выключается. Оно меняет место — но не выключается.

Думал: значит, та треть жизни была не небытием. Она была — только я не помнил. Как не помнишь то, на что не обращал внимания.

Думал: и если я не помнил — сколько всего было там, в этой трети, которую я прожил без памяти. Сколько мест, которые я посещал, не зная. Сколько существ, с которыми, может, встречался. Сколько всего — в промежутке, который я всегда считал пустым.

Вода в стакане была комнатной температуры.

Я выпил её медленно, до дна.

На рассвете я взял тетрадь.

Написал дату. Потом — несколько страниц подряд, не останавливаясь: всё, что помнил. Мамонты — каждую деталь. Рыжую шерсть, белые бивни, низкий земляной звук, тот последний, что остановился. Мамонтёнка, который поднял хобот. Запах того воздуха — я пытался найти слова для него и написал: влажный, живой, без человека.

Написал про балкон. Про себя, спящего. Про то, как выглядело моё тело со стороны — обычно, просто человек под одеялом.

Написал про стекло, которого там не было.

Написал про непрерывность — долго, несколькими попытками, потому что не мог сразу найти точные слова. В итоге написал просто: от засыпания до открытых глаз — одна нить. Не оборвалась. Первый раз в жизни — не оборвалась.

Потом поставил точку. Посмотрел на написанное.

Встал. Придвинул табурет.

Сел. Выпрямил спину. Угол девяносто градусов. Руки на коленях.

Вдох. Задержка. Выдох. Задержка.

За окном рассветало. Небо из чёрного становилось тёмно-синим, потом серым, потом — в той полосе у горизонта, где заканчивались крыши, — слабо-розовым.

Я сидел и дышал.

Думал одну простую вещь.

Религии говорили мне: истина — потом. После смерти. В другом месте. Верь сейчас, получишь потом. Я ходил от церкви к церкви и везде слышал одно: потом, потом, потом.

Прошлой ночью я стоял на своём балконе и смотрел на живых мамонтов.

Сейчас.

Не потом.

Не после смерти, не в раю, не в награду за правильную веру. Сейчас, в эту ночь, в этом теле, на этом балконе с вшпунченными перилами.

Это было не вера.

Это было — знание.

Как с лампочкой.

Несколько дней я ходил с этим внутри.

Не рассказывал никому — не потому что нечего было рассказать, а потому что не было слов, которые бы передали точно. Любые слова делали из этого что-то меньше. Приснился сон — нет, это не сон. Вышел в астрал — слова из книг, не мои слова. Видел мамонтов — звучит как сумасшествие.

Я держал это сам.

И замечал, как что-то изменилось в обычной жизни. Не драматически — маленькими сдвигами. Я смотрел на людей в метро и думал: вот они едут, и треть своей жизни каждую ночь куда-то уходят, и не помнят. Что там у них. Куда они ходят. Что видят. Они не знают — и, может, это нормально, может, не всем нужно знать. Но я теперь знаю, что это есть.

Смотрел на деревья — те самые, за окном, с которых облетели листья. Думал: у этого дерева есть своя частота. Своё место на каком-то плане, в каком-то пространстве. Я видел это у кота — бирюзовые полосы. Может, у дерева тоже что-то есть. Просто я ещё не умею смотреть так.

Мир стал другим — не потому что изменился. Потому что у него появилась глубина, которой я раньше не видел.

Как у картины с двойным изображением — долго смотришь и видишь одно, потом что-то щёлкает в голове, и вдруг видишь второе, и потом уже невозможно не видеть его, невозможно вернуться к первому.

Я видел второе.

Практику я не бросал. Каждое утро — табурет, дыхание, тридцать минут, иногда час. Ночью — осознанные сны. Уже привычные, уже рабочие. Я ходил там, смотрел, исследовал.

Но то, что случилось в ту ночь — это стояло отдельно.

Не как вершина, которую нужно снова покорить. Как точка отсчёта. До неё я искал доказательства, что слой под поверхностью существует — пробовал, смотрел, не был уверен. После — уверен. Доказательства есть. Теперь вопрос другой: что дальше.

Я думал об этом, сидя на табурете.

Вдох. Задержка. Выдох. Задержка.

Что дальше — я не знал. Но первый раз за очень долгое время это незнание не было тревожным. Оно было просто — открытым. Как дверь, которую ещё не открыл, но знаешь, что она там, знаешь, что она откроется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.